

ЛЕЯ ВЕТРОВА

РАЗВОД

МОЙ МЁРТВЫЙ МУЖ
ЖИВЁТ С ДРУГОЙ

Лея Ветрова

**Развод. Мой мёртвый
муж живёт с другой**

«Автор»

2026

Ветрова Л.

Развод. Мой мёртвый муж живёт с другой / Л. Ветрова —
«Автор», 2026

Два года я считала себя вдовой. Пока на фотографии с детского выпускного не увидела Павла — живого и обнимающего другую женщину. Рядом стоял шестилетний мальчик, который называл моего мужа папой. Пока наш одиннадцатилетний сын учился жить после похорон без тела, Павел сменил имя, построил вторую семью и оставил мне долги, страховую выплату, которую теперь требуют вернуть, и могилу, в которой никого нет. Павел хочет, чтобы я молчала. Уверяет, что исчез ради нас, и требует встречи с сыном. Но в той же речной аварии действительно погиб его деловой партнёр. Его старший брат Константин два года твердил, что Павел лжёт, — и я ненавидела его за это. Теперь нам придётся объединиться, чтобы доказать правду. Вот только довериться мужчине, чья семья ненавидит меня, почти так же страшно, как получить развод с собственным «покойником».

© Ветрова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мужчина на заднем плане	5
Глава 2. Вдова, которой заплатили	10
Глава 3. Оригинал	15
Глава 4. Другая семья	20
Глава 5. Свидание на собственной могиле	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лея Ветрова

Развод. Мой мёртвый муж живёт с другой

Глава 1. Мужчина на заднем плане

— А теперь все смотрим на меня. Не на воспитательницу, она вас и так четыре года видела. Я сегодня главная, — говорю я, едва не наступая на картонную ромашку.

Двадцать два ребёнка поворачивают головы. Правда, в разные стороны. Девочка в сиреневом платье показывает соседу выпавший зуб, двое мальчишек делят золотую звезду, а маленький Арсений внезапно задирает мантию выпускника. Родители смеются, его мама бросается поправлять одежду, а я успеваю сделать три кадра.

— Это удалите, пожалуйста, — просит Арсеньева мама, выпрямляясь. Лицо у неё красное, но губы подрагивают. — А то бабушка ещё увеличит и над диваном повесит.

— Такие кадры я отдаю отдельно и только бабушкам, — успокаиваю я. — За двойную плату.

Она смеётся уже без смущения, дети перестают меня бояться, и следующие несколько минут проходят почти прилично. Я опускаюсь на корточки, ловлю редкий момент, когда никто не чешет нос и не закрывает соседа букетом. В музыкальном зале жарко; воздух пахнет пылью, лаком для волос и кремом от торта. К концу съёмки этот запах вьётся в платье, и дома мне снова покажется, будто я принесла с собой чужой праздник.

— Всё, дети свободны. Пока свободны, — объявляю я, поднимаясь и потирая затёкшее колено. — Теперь семьи. Подходите по списку, чтобы никого не потерять.

— Мы свою бабушку уже потеряли, — сообщает девочка с выпавшим зубом. — Она пошла искать туалет и не вернулась.

— Алиса! — шипит её мать, но из-за кулисы как раз появляется растерянная пожилая женщина, и зал снова смеётся.

Семейные фотографии всегда идут сложнее общей. Мать думает о складке на животе, отец отвечает на сообщение, бабушка требует снять ещё и на её телефон. За двенадцать лет работы я научилась ловить секунду, в которую семья перестаёт изображать семью: мать поправляет дочери прядь, отец шепчет ей что-то на ухо, ребёнок закатывает глаза, но придвигается ближе. Именно этот кадр потом просят напечатать большим.

— Вера, можно нас после Лебедевых? — окликает женщина у окна. — Муж с парковкой возится, тут всё забито.

Я нахожу фамилию в списке и ставлю рядом точку.

— Конечно. Только предупредите, когда он придёт.

— Уже пришёл, — отвечает она, выглядывая в коридор, однако в этот момент меня дёргает за рукав воспитательница, потому что у близнецов Сафроновых одинаковые бутоньерки, а мама настаивает, чтобы на фотографиях было понятно, кто из них старший.

Как отличить близнецов без табличек с датой рождения, я не знаю, но обещаю придумать. В дверях появляются опоздавшие. Мужчина несёт на плече мальчика в белой рубашке, рядом идёт та самая женщина от окна. Я отмечаю тёмный пиджак, светлые детские брюки и ладонь на тонкой спине — всё, что может слиться с фоном. Лица мужчины почти не вижу: он поворачивается к женщине, а меня уже зовут.

Я поднимаю камеру. В видеоискателе мелькает мальчик на чужом плече, потом белая рубашка исчезает за букетом. Обычный край кадра, на который я не трачу внимания: близнецы наконец смотрят на меня одновременно, и я нажимаю на спуск.

К концу третьего часа у меня гудит поясница. Лебедевы подходят одними из последних. Мужчина остаётся у двери; женщина машет ему, но он показывает на телефон и выходит. Даня серьёзный, сероглазый и улыбается одним уголком рта, будто знает что-то смешное, но взрослым объяснить не собирается.

— А папа не будет? — спрашиваю я, проверяя резкость.

Женщина на мгновение перестаёт расправлять сыну воротник.

— Он не любит сниматься. Дань, встань ровно, пожалуйста.

— Папа сказал, потом, — возражает мальчик и смотрит на дверь.

— Значит, потом. Вера уже устала.

Я не уговариваю. Бывают мужчины, которые два часа прячутся от камеры, а потом возмущаются, что фотограф их «не поймал». Женщина прижимается щекой к макушке сына, но её лицо на секунду напрягается, словно она прислушивается к тому, что происходит за дверью.

— Посмотрите на Даню, — прошу я. — Не улыбайтесь специально. Просто на него.

Она поворачивается, мальчик тут же морщит нос, и напряжение исчезает. Получается хороший кадр. Честнее того, который они собирались сделать втроем.

Когда я складываю оборудование, за окнами темнеет. В коридоре остаются лопнувшие шарики и один золотой детский ботинок. Заведующая суёт мне контейнер с тортом, а мама Арсения ещё раз напоминает про кадр с задранной мантией.

— Бабушке не отдавать, — говорит она строго.

— Даже под пытками.

На парковке плечо ноет от ремня кофра. Впереди заводится тёмный автомобиль; на заднем сиденье мелькает белая детская рубашка. Я уже думаю, что обещала Матвеем пиццу, а дома остались пельмени и половина огурца. Пицца побеждает. За хорошее поведение — его и моё.

Матвей оставляет мне два куса с грибами и записку на коробке: «Я поел. Не шуми. Завтра контрольная». Будто это я в одиннадцать лет могу до полуночи смотреть ролики под одеялом, а утром обвинять всех окружающих в том, что не выпалась.

Я заглядываю в его комнату. На стуле лежит форма, на полу — один носок, второй, вероятно, ушёл из семьи по примеру многих взрослых мужчин. Матвей спит поперёк кровати, уткнувшись лицом в стену. На затылке торчит светлый вихор. В детстве Павел приглаживал его мокрой ладонью и говорил, что у Соколовых волосы признают только грубую силу. После похорон Матвей почти год отказывался стричься коротко, боялся потерять последнее сходство с отцом. Сейчас снова стриётся нормально, но вихор остался.

Я прикрываю дверь и уношу коробку на кухню. Есть не хочется, хотя с обеда во рту не было ничего, кроме мятной конфеты. Нужно только скинуть материал на два диска и выбрать десять фотографий для утреннего анонса. Нормальный человек занялся бы этим завтра, но нормальные люди не обещают заведующим «несколько кадров уже утром», чтобы получить заказ в саду, где платят без трёх напоминаний.

Ноутбук греет колени, кулер шумит, как маленький пылесос. Четыре тысячи восемьсот семьдесят два снимка. Я сразу удаляю закрытые глаза, чужие локти, смазанные лица и затылки, иногда ставлю метку на смешном выражении, мысленно угадывая, какая мать попросит убрать второй подбородок, а какой отец — добавить волос.

Около часа ночи я добираюсь до семейных фотографий. За окном машина шуршит по мокрому асфальту. В квартире тихо, и эта тишина давно не похожа на ожидание мужа, который вот-вот повернёт ключ в замке. В ней можно не прислушиваться к лифту. Два года и три месяца — достаточный срок, чтобы тело выучило отсутствие человека, даже если голова иногда продолжает ошибаться.

Я открываю серию Сафроновых, выбираю лучший кадр и ставлю четыре звезды. На соседнем снимке отец близнецов моргнул, зато за его плечом удачно получилась заведующая. Ещё один — дети смотрят в разные стороны, мать смеётся. Я увеличиваю лицо старшего мальчика, проверяю фокус, перевожу фотографию на весь экран и замечаю мужскую руку на самом краю.

Ничего особенного. Кисть, часть рукава тёмного пиджака, часы с чёрным ремешком. Мужчина придерживает мальчика, которого несёт на плече. Я уже видела их в дверях. Палец ложится поверх циферблата, будто ремешок слишком свободный и часы могут соскользнуть.

Я собираюсь перейти к следующему кадру, но рука на мыши остаётся неподвижной.

Павел носил часы так же. Не поправлял ремешок и не затягивал его, хотя я дважды предлагала отнести в мастерскую. Просто прижимал корпус большим пальцем, когда быстро шёл или поднимал Матвея. Дурацкая привычка, которой не может принадлежать только один человек. На свете миллионы плохо подогнанных ремешков и мужчин, которым лень заняться ими вовремя.

Я увеличиваю край изображения. Картинка распадается на зерно, кожа делается пятнистой. Чуть ниже большого пальца видна бледная косая полоска.

Шрам.

Когда Матвею было четыре, он захлопнул балконную дверь перед самым носом отца. Стекло треснуло, Павел по инерции выставил руку и разрезал кисть. Я сидела с ним в травмпункте почти до утра, держала ватный тампон, пока медсестра искала нужную нить, и ругалась, потому что он пытался шутить с рассечённой ладонью. Шов вышел неровным: один край стянули сильнее, поэтому полоска напоминала тонкий крючок.

На экране крючок изгибается в ту же сторону.

— Нет, — произношу я вслух.

В соседней комнате Матвей не шевелится. Я убавляю яркость монитора и открываю следующий снимок. Мужчина попадает в кадр до плеча. Голова повернута, лицо закрывает мальчишеская нога. Тёмные волосы короче, чем носил Павел, в них у виска заметна седина. Павел не успел поседеть. По крайней мере, я этого не видела.

Следующий кадр. Мужчина опускает ребёнка на пол. Видна линия подбородка, часть рта, левое ухо. У Павла мочка немного прирастала к щеке, и он терпеть не мог, когда я говорила, что по ушам можно опознать человека надёжнее, чем по глазам. Я говорила это не всерьёз. Тогда вообще многое можно было говорить не всерьёз.

Я листаю быстрее. Палец давит на клавишу, кадры меняются рывками: чужая семья, золотые звёзды, плечо воспитательницы, мальчик в белой рубашке, тёмный пиджак. Мужчина поворачивается. Его лицо на мгновение появляется между головой близнеца и букетом.

Я отдёргиваю руку, но изображение остаётся.

У меня не темнеет в глазах, не останавливается сердце и не происходит ничего из того, что обычно происходит с людьми в книгах перед страшной правдой. Просто язык вдруг становится толстым и сухим, а правую ступню сводит судорогой, потому что я уже несколько минут сижу, подвернув её под себя. Я машинально распрямляю ногу, больно ударяюсь коленом о стол и даже успеваю подумать, что разбужу Матвея.

Мужчина на фотографии похож на Павла так сильно, что первое мгновение я не узнаю его.

У живых меняется лицо. Прибавляются складки у рта, волосы седеют. Мёртвые остаются такими, какими были на последней фотографии, и два года я знала Павла только тридцатидвятилетним: гладко выбритым, растрёпанным ветром, в спасательном жилете. Этот мужчина старше. У него короткая борода, чужая стрижка и складка между бровями. Но правая бровь всё так же поднимается выше левой, а рот кривится знакомо, будто он приготовился сказать, что я опять усложняю.

Я закрываю программу. Рабочий стол появляется мгновенно: синяя полоса моря, стандартные значки, папка «Матвей школа». Никакого мужчины. Я сижу, прижав ладони к горячей крышке ноутбука, и считаю до десяти. Потом до двадцати. На двадцати семи понимаю, что считаю не вдохи, а секунды, в течение которых фотография никуда не может деться.

Павел утонул. Тело не нашли. Нашли перевернутую лодку, его куртку в камышах и Сергея Бессонова ниже по течению. Через восемь месяцев суд признал Павла погибшим. У меня есть свидетельство с гербовой печатью, страховая папка, чёрное платье и плита на кладбище, хотя под ней пусто. Государство долго не соглашалось, что мой муж мёртв, зато потом выдало бумагу, и всем стало легче.

Всем, кроме Матвея.

Я снова открываю программу.

Фотография загружается с короткой задержкой. Мужчина остаётся на месте. Я нахожу серию с Лебедевыми. На следующих кадрах Кира с сыном выходят из фотозоны, Даня бежит к двери, мужчина приседает и прижимает ладонь к его затылку. Павел всегда так держал Матвея в толпе — сзади за шею, большим пальцем под ухом. Я отодвигала его ладонь, а Матвей смеялся и пытался вывернуться.

Даня не выворачивается. Он что-то говорит мужчине, запрокинув голову. Тот улыбается одним уголком рта.

Так же, как мальчик.

В следующем кадре подходит Кира. Павел — если это Павел — кладёт руку ей на талию. Не робко, не случайно, не так, как касаются знакомой женщины для фотографии. Ладонь сразу находит своё место. Кира поправляет ему воротник, и в этом движении нет ничего особенного, кроме многократности: она делала так раньше, возможно, сотни раз. Потом он наклоняется и касается губами её виска.

Я смотрю на этот поцелуй дольше, чем на лицо.

Когда-то я думала, что самое страшное — не знать, что произошло в последние минуты жизни человека. Было ли ему холодно, звал ли он нас. Я просыпалась, представляя воду в его лёгких, хотя никто не заставлял меня придумывать это снова и снова. Теперь в памяти остаётся пустая могила, а на экране Павел целует другую женщину в висок так буднично, словно вечером им ещё нужно купить молоко.

Локтем я задеваю кружку. Она падает на ковёр, не разбивается, но глухой удар получается достаточно громким. В коридоре скрипит пол.

— Мам?

Я закрываю ноутбук слишком резко. Экран успевает погаснуть за секунду до того, как в кухню входит Матвей. Он щурится от света, одной рукой придерживает на груди растянутую футболку.

— Ты чего не спишь? — спрашиваю я и слышу, как высоко звучит мой голос.

— Это я не сплю? — Он зевает, останавливается у стола и смотрит на кружку. — Ты посуду роняешь в два часа ночи. Что случилось?

— Ничего. Работала, рука задела.

— У тебя обе руки на ноутбуке.

Он всегда замечает именно то, чего не надо. Наверное, всё-таки моя наследственность, не Павла. Я наклоняюсь за кружкой, хотя поднять её можно и утром. Лишь бы не смотреть сыну в лицо, где от отца с каждым годом остаётся всё меньше детского и всё больше конкретного: линия носа, светлые ресницы, привычка втягивать нижнюю губу, когда чувствует ложь.

— Иди ложись, Матвей. Завтра контрольная.

— Уже сегодня. — Он не двигается. — Ты плачешь?

Я касаюсь щеки. Кожа сухая.

— Нет.

— Тогда почему у тебя лицо такое?

— Какое?

Матвей пожимает плечами, сердится, потому что не может подобрать слово. Я пользуюсь этой секундой, чтобы поставить кружку в раковину и встать между ним и столом.

— Устала. Правда. Давай утром поговорим.

— О чём?

— Ни о чём. Это выражение такое.

— Нормально, — бормочет он. — Утром поговорим ни о чём.

Он разворачивается, и я почти верю, что успела. Но ноутбук просыпается от случайного движения мыши. Крышку я не закрыла до конца — только прижала, а теперь экран вспыхивает за моей спиной белым прямоугольником.

Матвей замирает. Сначала смотрит не на фотографию, а на меня. Потом делает шаг в сторону.

— Не надо, — говорю я, хватая ноутбук за край. Получается слишком быстро и слишком громко. — Матвей, там рабочие фотографии.

Он уже увидел. Я понимаю это по тому, как меняется его рот: нижняя губа втягивается и остаётся зажатой между зубами. Сын подходит ближе, не спрашивая разрешения, кладёт ладонь на стол и наклоняется к экрану. На снимке Павел держит руку на талии Киры, Даня прижимается к его боку. Три человека стоят тесно, привычно, не оставляя между собой свободного места.

— Увеличь, — просит Матвей.

— Это может быть похожий человек.

— Увеличь.

Я нажимаю клавишу. Лицо становится крупнее, теряет резкость, но не превращается в чужое. Матвей переводит взгляд на мальчика, на ладонь у него на плече и снова на Павла. Мне хочется выключить экран, сказать, что фотография старая или программа ошиблась, — прикрыть сына взрослой ложью и тем самым оставить его одного перед тем, что он уже понял.

— Это папа, — произносит Матвей без вопроса и сам перелистывает кадр. На следующем Павел уже не смотрит на Киру или Даню. Его голова повернута к камере, глаза прищурены от света, и даже через зерно видно: человека за объективом он узнал. Матвей медленно убирает руку от ноутбука. — Мам, он же тебя видел. Почему тогда не подошёл?

Глава 2. Вдова, которой заплатили

Четвёртый болт держится не на резьбе, а на ржавчине, и это плохо видно с берега, зато под водой металл сам рассказывает, сколько ему осталось. Я нахожу трещину под наростом ракушек и отхожу в сторону прежде, чем тянуть ключом: если крепление сорвётся, плита качнётся вправо и прижмёт меня к свае. Закрепляю страховочный трос выше, проверяю карабин и только тогда наваливаюсь на ключ. По перчатке проходит тупой удар, в воду вырывается рыжее облако, а пластина остаётся на месте.

— Четыре под замену, — говорю в микрофон. — На пятом посмотрю сварной шов.

— Принял. И у тебя телефон уже третий раз подаёт сигнал, — отвечает Олег с берега. — Если опять заказчик с эллингом, скажи, что мы утонули.

Работу можно закончить за сорок минут и за двадцать, если очень хочется потом объясняться в травмпункте. Я заканчиваю за тридцать восемь. На лестнице Олег придерживает баллон и кивает на телефон в пластиковом ящике между кабелем и термосом.

— Женщина написала. В такое время ничего хорошего они не пишут. Я женился, чтобы плохие новости приходили сразу домой, а тебе вот самому приходится читать.

Я стягиваю перчатки, вытираю большой палец о полотенце и вижу имя, которого в телефоне не было два года. Вера Соколова прислала сообщение в четыренадцать утра. Ни приветствия, ни объяснений, только одна строчка и файл размером почти в пятьдесят мегабайт.

«Это Павел. Снято вчера. Если вы всё ещё хотите знать, что случилось с Сергеем, проверьте оригинал».

Телефон загружает уменьшенную копию, и лицо мужчины за плечом мальчика рассыпается на квадраты. Этого достаточно, чтобы узнать Павла, и недостаточно, чтобы поверить. Последние два года мне присылали кадр с заправки, снимок туриста на причале и ещё троих мужчин с похожими волосами или куртками. Ни у одного не было лица Павла целиком.

— Кость, что там? — Олег перестаёт сматывать кабель.

— Пока не знаю. Проверь резервный насос, я в машине.

В служебном фургоне пахнет резиной, кофе и сырой одеждой. Я сохраняю файл отдельно и открываю свойства. Формат RAW, серийный номер камеры совпадает с тем, который указан в прошлогоднем акте съёмки нашего понтона. Тогда Вера приезжала по заказу администрации и ни разу не посмотрела в мою сторону, хотя узнала.

Дата — вчерашняя, восемнадцать часов сорок две минуты; служебные данные файла не правили. Всё можно подделать, только Вере пришлось бы снять выпускной, найти человека с лицом мужа и отправить сырой кадр, зная, что я начну с проверки. Слишком сложная конструкция ради сообщения из двенадцати слов.

Я увеличиваю лицо. У правого виска седина появилась неровным пятном, на подбородке видна светлая полоска, где борода растёт хуже. Он живой. В этом есть что-то почти оскорбительное: Сергей два года лежит в земле, а Павел успел поседеть.

У меня остаются две версии. В первой Вера случайно снимает собственного мёртвого мужа и отправляет фотографию человеку, которого выгнала из квартиры. Во второй она знала, что Павел жив, получила деньги за его смерть, а теперь решила выгадать меня на свет. Вторая версия хуже держится, но вычеркнуть её я не могу: одна ошибка даст Павлу время исчезнуть снова.

Я нажимаю вызов. Вера отвечает после шестого гудка, и первые несколько секунд в трубке слышно только дыхание. Не сонное — сдавленное, будто она всё это время держала телефон в руке и не хотела брать.

— Вы проверили? — спрашивает она вместо приветствия.

— Проверил. Где снято?

— Там на плакате адрес. Вы ведь его уже увеличили.

— Мне нужен ваш ответ.

Она коротко выдыхает, и я представляю, как у неё поднимается подбородок. Помню этот жест лучше, чем хотел бы.

— Детский сад «Маяк», улица Полевая, восемь. Выпускной начался в четыре. Его семья была в списке под фамилией Лебедевы.

— Семья?

— Женщина и мальчик. Даня. Он называет Павла папой.

Я смотрю на руку Павла на затылке мальчика. Жест уверенный, привычный. Так ребёнка не держат при первой встрече.

— Вы с ним говорили?

— Нет. Я увидела его только на фотографиях ночью.

— А он вас?

Молчание длится дольше, чем нужно для простого ответа.

— Да. На последнем кадре он смотрит в объектив.

— Кто ещё видел снимки?

— Матвей.

Я помню Матвея девятилетним, в носках на скользком паркете. Он стоял за матерью, когда она выставляла меня из квартиры, и слышал, как я сказал, что Павел лжёт даже после смерти.

— Зачем вы показали ребёнку?

— Я не показывала. Он проснулся, а я не успела закрыть ноутбук. — Голос у неё становится жёстче. — Вы звоните, чтобы проверить мои материнские навыки или фотографию?

— Я пытаюсь понять, кто знает. Павел увидел вас и может захотеть забрать файлы.

— Только не начинайте снова это «мы». Два года назад за ним сразу последовали вопросы о страховке и о том, почему я не заметила преступника за семейным ужином.

— Я приеду через час.

— Я вас не приглашала.

— Тогда приезжайте сами. Оригинал нельзя держать на одном компьютере, а по телефону мы скоро опять поссоримся.

— Мы уже. Через полтора часа, когда Матвей уйдёт в школу. И не говорите со мной как с сотрудницей.

Она отключается. Олег открывает фургон и по моему лицу понимает, что шутки закончились. На экране Павел смотрит прямо на Веру. Страха ещё нет, только раздражение человека, которому помешали.

Вера открывает после второго звонка и двух поворотов замка, хотя раньше верхней задвижки не было. В квартире пахнет остывшей пищей. Волосы она собрала кое-как, рукав серой кофты испачкан кофе; выглядит не заплаканной, а очень занятой, как люди сразу после аварии, пока отвечают на вопросы и ещё не понимают, что главное уже произошло.

— Он ушёл на контрольную, — говорит она, когда мы входим на кухню. — Сказал, что если останется дома, то будет смотреть на дверь. Я не стала спорить.

На столе открытый ноутбук, рядом карты памяти, внешний диск и лист с номерами кадров. Кружка стоит в раковине, на влажном ковре расплзлось кофейное пятно. Вера подвигает мне стул.

— Можете не осматривать место преступления. Кружка выжила.

— Я смотрю, где стоят копии.

— На ноутбуке, двух дисках и в облаке. Пароль и привязку к телефону я поменяла, геолокацию отключила, прежде чем вы спросите.

В прошлый раз она не позволила мне сделать ни шага в квартиру. Сегодня сама раскладывает карты памяти, но предупреждение в каждом движении то же: не перепутай доступ к файлам с доступом к моей жизни.

— Хорошо, — говорю я. — Покажите всю серию.

Вера разворачивает ноутбук. Павел складывается из частей: часы, шрам, ухо, половина лица. Потом приседает перед мальчиком, кладёт руку на талию женщины, а она касается его плеча, как вещи, которая давно стоит дома на своём месте. Перед кадром с поцелуем Вера задерживается на долю секунды. Этого достаточно.

— Вы знали её раньше? — спрашиваю я.

— Нет. В списке она Кира Лебедева. Номер телефона у заведующей, но я пока не звонила.

— Почему?

— Потому что не придумала вежливого способа спросить, давно ли её муж считается моим покойником.

— Невежливый тоже подойдёт.

Она поворачивает ко мне голову. Глаза красные от бессонной ночи, но взгляд точный.

— Вам — возможно. У меня на этих фотографиях её шестилетний сын. Если я ворвусь туда с полицией и окажется, что Павел соврал ещё и ей, мальчик узнает о своём отце посреди детского сада. Матвею хватило кухни.

— А если она в курсе, то предупредит его после первого же звонка.

— Поэтому я и не звоню.

Ответ разумный, и меня раздражает собственное облегчение. Вторая версия — та, где Вера участвует в исчезновении, — теряет ещё одну опору, но не исчезает. Я открываю на ноутбуке сведения о файле и сверяю их с тем, что уже видел в машине.

— После аварии Павел выходил с вами на связь?

Вера не отвечает. Сначала закрывает окно со свойствами, потом аккуратно кладёт ладонь на крышку ноутбука, словно готовится захлопнуть её вместе с моими вопросами.

— Нет.

— Были переводы с неизвестных счетов, наличные, вещи, которые он просил хранить?

— Нет.

— Доступ к вашим документам у него оставался?

— Он был моим мужем. Конечно, оставался.

— К страховому полису?

Вера убирает руку с ноутбука и откидывается на спинку стула. Теперь я вижу, что тёмное пятно на рукаве — кофе. Вероятно, тот самый, которым залит ковёр.

— Вот мы и дошли, — говорит она. — Быстрее, чем в прошлый раз.

— Это не обвинение.

— Вы задаёте вопросы не потому, что доверяете мне.

— Я никому не доверяю в деле, где мёртвый человек фотографируется с новой семьёй.

— Удобно. Можно говорить любую мерзость и называть её осторожностью.

Она встаёт, берёт чайник и подносит к крану. Воды наливает слишком много; тонкая струя переливается через отметку максимума, но Вера смотрит не на неё, а в тёмное окно над мойкой. Я помню другой её чайник, белый, со сколотой крышкой, и папку страховой компании на этом же столе. Тогда мне казалось важным, что деньги пришли через три недели после решения суда. Сроки я знал лучше, чем выражение её лица.

— Вам заплатили за смерть Павла, — говорю я. — Это факт, а не мерзость. Если он жив, страховая спросит, что вы знали.

Кран закрывается резко. Вера ставит чайник на подставку, вода выплёскивается на стол, и она проводит по луже рукавом, будто не замечает, что делает пятно ещё больше.

— Мне не заплатили за смерть мужа. Мне выдали сумму, из которой я закрыла его два кредита, просроченные счета фирмы, ипотеку и работу с психологом для ребёнка, который полгода не мог зайти в ванную, если там уже была вода. Остатка хватило на новый объектив. Хотите, покажу? Он в шкафу. Очень дорогая память о счастливом вдовстве.

— Я не говорил, что вы были счастливы.

— Нет, вы просто два года считаете, что я могла знать. Так ведь? — Она наконец вытирает воду полотенцем, сминает его и бросает возле раковины. — Скажите вслух. Сегодня вообще хороший день для вещей, которые лучше говорить вслух.

Я смотрю на неё и понимаю, что правильный ответ здесь существует только для человека, который пришёл успокаивать. Я пришёл не за этим.

— Могли, — отвечаю я. — Не потому, что получили выплату. Вы много лет жили рядом, имели общие счета и подписывали документы. Если Павел готовил исчезновение, он мог использовать вас вслепую или не вслепую. Я обязан проверить оба варианта.

— Кому обязаны? Следствию? Оно закрыло дело. Своему брату? Или себе, потому что вы опоздали его спасти и теперь проверяете всех остальных?

В комнате становится тихо, хотя чайник начинает гудеть всё громче. Вера жалеет о сказанном раньше, чем заканчивает фразу: пальцы разжимаются, взгляд уходит к столу. Извиняться она не собирается, и я не хочу, чтобы извинялась. Вопрос справедливый. Я два года задаю его себе в менее вежливых выражениях.

— Всем троим, — говорю я. — И вы тоже опоздали, Вера. Только я не пытаюсь сделать вид, что это освобождает нас от следующего шага.

— Какого именно? Прийти в полицию и объявить, что мой муж воскрес на выпускном? Они сначала посмотрят на фотографию, потом на страховую выплату, а потом — на меня. Матвей останется один на один с бабушкой и новостью о том, что его мать, возможно, мошенница. Нет. Сначала я должна убедиться, что этот человек не просто похож на Павла.

— Вы уже убедились.

— Я должна увидеть его не на экране.

Я хочу возразить, но не успеваю. Вера открывает другой кадр и увеличивает лицо мальчика. Серые глаза, кривоватая улыбка, правая бровь чуть выше левой. Сходство не доказательство отцовства, однако его достаточно, чтобы понять, почему она не спала.

— Матвей спросил, почему отец увидел меня и не подошёл, — говорит она тише. — Потом спросил, знал ли Павел, что мы его хороним. Я сказала про потерю памяти. Он понял, как глупо это звучит, но кивнул, потому что пожалел меня. Поэтому я не пойду сейчас в отдел отдавать единственный оригинал и ждать, пока кто-нибудь решит, достаточно ли мы интересная семья для срочной проверки.

— Единственный вы им не отдадите. Копию — да. Оригинал останется у вас и ещё в двух местах, о которых Павел не узнает.

— Вы всё решили?

— Нет. Я говорю, как сохранить доказательство.

— Ваше «говорю» всегда звучит так, будто остальные уже согласились.

Я замолкаю. Два года назад на этом месте я действительно не спрашивал. Принёс распечатки, положил перед женщиной, которая ещё носила обручальное кольцо, и потребовал вспомнить каждый разговор Павла о деньгах. Она выставила меня за дверь, а я потом рассказывал себе, что вдова просто не хочет знать правду. Это было проще, чем признать: правду можно требовать так, что человек предпочтёт ложь, лишь бы больше тебя не видеть.

— Хорошо, — произношу я. — Что вы предлагаете?

Вера смотрит с недоверием, словно вопрос может оказаться ловушкой. Чайник щёлкает, отключаясь, но она не тянется к чашкам.

— У заведующей остались фотографии, договор и контакты Киры. Сегодня в саду убирают зал после выпускного. Я должна завезти несколько готовых кадров для стенда и могу спросить, когда Лебедевы заберут остальное. Без звонка Кире.

— Одна вы туда не поедете.

Её брови поднимаются.

— Это сейчас было согласие или снова распоряжение?

— Предложение, сформулированное плохо. — Слова даются неприятнее, чем признание ошибки в смете. — Если вы не против, я поеду с вами. Останусь снаружи, пока не понадобится. Павел знает вас, меня он видел несколько раз и может не узнать сразу.

— Он был на похоронах Сергея рядом с вами. Узнает.

— Тогда тем более лучше, чтобы первым он заметил не вас одну.

Вера переводит взгляд на фотографию. На экране Павел держит чужого мальчика за шею той же рукой, которой когда-то удерживал Матвея в толпе. Она закрывает ноутбук медленно, без прежнего желания спрятать увиденное, и пододвигает ко мне чистую карту памяти.

— Сделайте копию. Одну. И если попыбуете отнести её в полицию без меня, я скажу, что вы украли файл.

— Скажете правду.

— Неужели мы наконец в чём-то сошлись.

Я вставляю карту в разъём, но прежде чем начать копирование, снова открываю последний кадр. Павел смотрит прямо в объектив. Два года назад следователь сказал, что лодку перевернуло на повороте, Сергей ударился головой, а Павла унесло течением. Удобная последовательность: вода, удар, паника, два погибших. Она объясняла всё и никого не оставляла виноватым.

— Вера, если Павел выбрался и решил не возвращаться, он солгал не только вам. — Я поворачиваю ноутбук так, чтобы между нами осталось его лицо. — Сергей был с человеком, который после аварии построил другую жизнь. Значит, мой брат погиб не в той аварии, о которой нам рассказали.

Она не спорит и не просит меня уйти. Только садится напротив, обхватывает ладонями так и не налитую чашку и смотрит на Павла без привычной защиты, которую я два года принимал за соучастие. Это должно ослабить моё подозрение, но вместе с ним исчезает последняя надежда, что фотография ничего не меняет: если Вера и правда увидела живого мужа впервые этой ночью, значит, один из нас ошибался насчёт неё, а все остальные — насчёт смерти Сергея.

Глава 3. Оригинал

Пять распечатанных фотографий лежат в тонкой белой папке, и я держу её обеими руками, хотя одной вполне можно открыть калитку. Вчера я проходила здесь с кофром на плече и думала о пище для Матвея. Сегодня охранник в будке тот же, на клумбе торчит пластмассовая божья коровка, а между мной и дверью помещается человек, которого два года нет в живых. Тело оставляет себе последний метр, чтобы всё ещё можно было отступить.

— Я буду напротив, — говорит Константин. — Увидите его — позвоните мне и не подходите близко.

— Мы договаривались, что вы не будете командовать.

— Это рекомендация.

— У вас даже рекомендации звучат так, будто за невыполнение снимают премию.

Он смотрит на окна первого этажа, боковую дорожку и дверь рядом с контейнерами. За десять секунд находит три выхода. Я за две съёмки замечала только главный.

— Хорошо. Как вам будет удобнее? — спрашивает он с заметным усилием.

— Оставайтесь в машине. Если не отвечу через десять минут, заходите, но без водолазного лома.

— Монтировка, — поправляет Константин и расправляет смятый угол папки. — Десять минут.

В холле пахнет влажной тряпкой и апельсиновым средством для пола. Над дверью осталась половина гирлянды: «В добрый п». Остальную жизнь детям, видимо, предстоит додумывать самостоятельно. Воспитательницы сворачивают фон с облаками, а заведующая Елена Викторовна руководит уборкой так, словно вчерашний выпускной был стихийным бедствием.

— Верочка! — Она замечает меня и бросает рулон ленты на стул. — Вы уже сделали? Я же сказала, не срочно. Родители ещё неделю будут решать, на каком кадре у них лицо моложе.

— Это только для стенда. Остальное через десять дней, как в договоре.

Я протягиваю папку и слежу за руками. Не дрожат. На работе они ведут себя приличнее остального организма: могут удержать тяжёлую камеру и поправить ребёнку воротник, пока внутри что-то требует бежать или хотя бы сесть на пол. Елена Викторовна просматривает фотографии у окна и выбирает кадр, где дети подбрасывают квадратные шапочки.

— Вот эту обязательно поставим. И общую. С Лебедевыми хорошо получилось? Кира утром звонила, переживает, что Даня везде моргнул.

— Получилось. Они сегодня придут?

— Уже здесь. Данин ингалятор вчера в шкафчике оставили. Кира пошла за ним, а муж помогает коробки вынести. Андрей! — зовёт она в служебный коридор. — Вера принесла фотографии!

Сначала я слышу голос.

— Сейчас, Елена Викторовна.

Одно слово, произнесённое не мне, прижимает язык к нёбу. За два года голос Павла в памяти стал почти беззвучным: я помнила фразы, но не точную интонацию. Теперь она возвращается целиком — лёгкое раздражение, улыбка для человека, которому неудобно отказать.

Он выходит с двумя коробками. Вблизи седины больше, борода скрывает складки у рта, но походка не изменилась: Павел бережёт правую ногу после старого растяжения и первым ставит на ступеньку левый носок. Я столько раз раздражалась, что он шаркает, и ни разу не думала, что это станет доказательством.

Следом выходит Кира с детским рюкзаком и пакетом с ингалятором. Она замечает меня, затем Павла, и на её лице появляется не вопрос, а готовый ответ.

— Это мой муж, Андрей Волков, — говорит она слишком быстро. — Данин папа.

Павел смотрит не так, как смотрят, пытаюсь вежливо вспомнить незнакомое лицо. Зрачки сужаются, коробки кренятся, верхняя задевает подбородок. Он ловит её локтем. Обычное неловкое движение живого человека причиняет сильнее, чем могила: мёртвые не роняют картон и не краснеют у воротника.

— Паша, — говорю я.

Он поворачивает голову на имя раньше, чем успевает решить, что не должен.

— Андрей, мы закончили, — произносит она. — Положи коробки и иди заводи машину.

— Его зовут Павел, — отвечаю я, хотя она обращалась не ко мне.

Павел ставит коробки у стены. Первую аккуратно, вторую мимо края; она падает, и по полу рассыпаются бумажные ромашки. Воспитательница в зале вскрикивает. Он не наклоняется их собирать, не подходит ко мне и не спрашивает о Матвее. Просто делает два шага назад, толкает плечом дверь служебного коридора и исчезает за ней.

Все смотрят на качающуюся ручку. Я достаю телефон, но Кира подходит и закрывает экран ладонью.

— Не нужно устраивать сцену при сотрудниках, — говорит она тихо. — Вы ошиблись.

Я убираю её руку. На среднем пальце тонкое золотое кольцо, надетое туда, куда обычно надевают обручальное.

— Он убежал через служебный выход.

— У Андрея встреча. Вы его напугали.

— Я назвала имя мужа.

— Вы назвали имя человеку, который на него похож. После того, что с вами случилось, это можно понять, но я не позволю втягивать в это моего сына.

Она говорит без театральной жалости. Эти фразы подготовлены давно: в её сценарии я плачу, кричу и хватаю чужого мужчину за рукав. Стою молча — и большой палец Киры всё быстрее трёт шов на рюкзаке.

— Вера, что происходит? — Елена Викторовна опускает фотографии на подоконник. — Вы знакомы с Андреем?

— Она обозналась, — отвечает Кира раньше меня. — У Веры погиб муж, и Андрей, видимо, похож. Я всё понимаю, но Даня не должен видеть свою маму в такой ситуации.

— Дани здесь нет, — замечаю я.

Кира прикусывает щёку изнутри. Я видела такой жест перед семейными съёмками: на следующем кадре женщина уже улыбалась, но камера успевала заметить правду раньше неё.

— Тем более хорошо, — произносит она. — Я хочу, чтобы вы удалили все фотографии моего ребёнка. Сегодня. Предоплату можете не возвращать.

— Этот разговор будет письменно. Я не удаляю рабочие файлы по требованию в коридоре.

— Тогда я пришлю требование письменно.

— Пришлите. И спросите у Андрея, почему у него шрам на ладони от двери моего балкона.

У Киры белеют губы. Она не просит показать шрам и не идёт вслед за мужем сообщать о нелепой ошибке. Мне больше не нужно её признание.

В холл входит Константин. Я только нажала на его имя и сбросила, когда Кира закрыла экран, но этого ему хватило. Он смотрит на меня, на Киру и рассыпанные ромашки.

Кира узнаёт его. До этой секунды она держится лучше всех нас, но теперь рюкзак выскальзывает из её руки и падает динозавром вниз.

— Где он? — спрашивает Константин.

— Служебный выход, — отвечаю я. — Минуты две.

Он проходит мимо Киры и исчезает в служебном коридоре. Она следит за ним, забыв поднять рюкзак: Сергея Бессонова в её подготовленном сценарии не было.

— Вы привели его? — В голосе Киры впервые появляется резкость. — Сюда? В детский сад?

— Значит, вы всё-таки знаете, кто он.

— В городе многие знают Бессонова. После гибели брата он обвинял всех подряд.

— Не всех. Только моего мужа.

Елена Викторовна делает шаг между нами и предлагает уйти в кабинет. Кира поднимает рюкзак.

— Разговора не будет. Требование об удалении пришлю сегодня. Если хоть одна фотография Дани окажется вне закрытой папки, я подам жалобу. И держите своего знакомого подальше от моего ребёнка.

— Это не он пришёл в семью к чужому ребёнку.

Кира уходит, у калитки разминувшись с Константином. Он возвращается один, удерживая злость за сомкнутыми зубами.

— Машины нет, — говорит Константин. — За зданием выезд на соседнюю улицу. Он успел.

— Я видела его.

— Я понял.

— Не на фотографии. Здесь. Он повернулся, когда я назвала его Пашей.

Мне нужно сказать это вслух, иначе увиденное снова станет зерном и неудачным углом. Константин не уверяет, что верит, а бережно возвращает забытую распечатку в папку.

— Над главным входом камера, — говорит он. — В служебном коридоре тоже. Елена Викторовна, где хранится запись?

— В моём кабинете, но я не могу показывать вам записи с детьми. Это частный сад.

— Нам нужен вчерашний выпускной и сегодняшний коридор. На записи человек, официально признанный погибшим. — Константин снова говорит так, будто разрешение уже получено, но замечает мой взгляд. — Вы согласны проверить сами? Мы постоим у двери.

Елена Викторовна колеблется, затем берёт ключи.

— Только проверю. Никаких копий без запроса полиции.

В кабинете монитор стоит среди папок и коробок. Заведующая прикрывает клавиатуру ладонью, хотя бумажка с паролем приклеена к рамке. Я вижу себя в чёрном квадрате камеры: маленькая фигура с белой папкой у живота.

На сегодняшней записи в одиннадцать двадцать семь Кира входит вместе с Павлом. Даже в сером изображении я узнаю его прежде, чем Елена Викторовна останавливает кадр.

— Андрей, — шепчет она.

— Сохраните этот фрагмент, — говорит Константин.

— Я сказала, без полиции ничего не отдам.

— Тогда хотя бы не удаляйте.

Вчерашняя шкала заполнена до шестнадцати тринадцати, затем идёт пустая полоса, и запись появляется после девятнадцати восьми. Елена Викторовна перезапускает программу, проверяет вторую камеру. Та же пустота. Выпускного, белой рубашки Дани и Павла, смотрящего через толпу, нет.

— Такого не может быть. Вчера около семи я сама смотрела запись, выясняла, кто разбил вазу.

— Запись до и после на месте. Удалён только промежуток. Кто имеет доступ?

— Я, владелец и мастер по заявке. — Заведующая замечает бумажку с паролем, отрывает её и сминает. — Но здесь весь день ходят сотрудники.

Константин достаёт телефон, но прежде чем направить его на экран, спрашивает:

— Можно сфотографировать только шкалу времени? Без изображения детей и без пароля.

Она кивает. Константин снимает пустую шкалу и увеличивает сегодняшний кадр так, чтобы осталось только лицо Павла.

— Теперь вы вызовете полицию? — спрашивает она.

— Я сначала поговорю с юристом, — отвечаю я.

— Запись могут удалить и сегодня, — говорит Константин.

— Поэтому Елена Викторовна сейчас поменяет пароль и сохранит фрагмент на отдельный носитель. Если согласится.

Заведующая открывает ящик и достаёт флешку.

— Соглашусь. А вы объясните мне, почему мужчина, который два года как умер, водит сюда ребёнка под другим именем.

— Когда пойму сама.

На парковке Константин садится в мою машину, но дверь не закрывает. Жара успела прогреть салон, от сиденья пахнет пылью и яблочным освежителем, который Матвей выбрал из-за зелёного цвета и теперь ненавидит за запах. Я кладу папку на заднее сиденье. Фотографии для стенда так и не отдала: Елена Викторовна забыла о них, а я не напомнила.

— В полицию нужно сегодня, — говорит Константин. — У нас есть свежая запись, фотография и свидетель, который называл его Андреем.

— И вдова со страховой выплатой, которая сутки не обращалась в полицию, потому что решила самостоятельно съездить к любовнице мужа.

— Вы не знали, кем она ему приходится.

— Зато теперь знаю достаточно, чтобы сначала позвонить Лиде. Она семейный юрист и хотя бы предупредит, куда меня повезут после заявления — домой или объяснять, что я знала, когда получала страховку.

Константин закрывает дверь. В тесном салоне он кажется ещё крупнее; коленом упирается в бардачок и отодвигает сиденье, не спросив, а потом замечает мой взгляд и возвращает его на прежнее место.

— Можно?

— Теперь уже можно.

Он снова отодвигается. Я завожу двигатель, но руки остаются на руле. На пальце светлеет полоска от кольца, которого нет больше года. Сегодня Павел посмотрел туда первым. Не на лицо, не на телефон, не на дверь за моей спиной. Проверил, ношу ли я его до сих пор.

— Кира знала меня, — говорю я. — Не удивилась имени. Не спросила, откуда шрам. И вас узнала.

— Значит, знала, кем он был раньше.

— Но испугалась вас сильнее, чем меня.

Константин поворачивается к окну. На стекле отражается его лицо, и на мгновение кажется, что он смотрит не наружу, а на самого себя.

— Потому что вы можете разрушить её семью, — отвечает он. — А я задаю вопросы о трупе.

Я включаю поворотник и выезжаю с парковки. Слово остаётся в машине между нами. Не «брат», не «Сергей» — труп. Так проще назвать человека, когда от него сохранилось тело. Павлу досталась другая роскошь: остаться мужем, отцом и Андреем Волковым одновременно.

Матвей сидит на кухне над контрольной, которую учительница разрешила забрать домой для работы над ошибками. Красных пометок немного, но он стирает одно решение так долго, что на бумаге появляется мягкая серая яма. Рядом остывает тарелка макарон. Я успеваю снять куртку, помыть руки и поставить чайник, прежде чем он спрашивает:

— Ты его видела?

Врать бессмысленно. После этой ночи любая пауза между нами звучит громче ответа.

— Да.

Матвей перестаёт тереть бумагу. Ластик остаётся зажатым между пальцами, на ногте белая крошка.

— Он тебя узнал?

— Узнал.

— И что сказал?

Я достаю две чашки, хотя сын пьёт чай из кружки с космонавтом и обычно напоминает об этом каждый раз. Сегодня не замечает.

— Ничего. Ушёл через другую дверь.

Матвей снова смотрит на контрольную. Серая яма на месте примера становится дырой, кончик карандаша проваливается и оставляет чёрную точку на столе.

— Как вчера, — говорит он.

Не вопрос, не вывод взрослого психолога. Просто два одинаковых случая, которые ребёнок соединяет быстрее, чем я успеваю придумать между ними безопасное объяснение.

— Да, — отвечаю я. — Как вчера.

— А мальчик был с ним?

— Нет.

Матвей кивает и принимается собирать крошки ластика в ладонь. Я не спрашиваю, почему для него это важно. Возможно, он хотел знать, ушёл бы отец так же, если бы рядом стоял Даня. Возможно, я сама уже думаю за сына, потому что собственных мыслей стало слишком много.

— Я позвоню Лиде, — говорю я. — Потом мы решим, как правильно обратиться в полицию. Ты сегодня останешься дома со мной.

— Я и так дома.

— Завтра тоже.

Он поднимает глаза. В них нет облегчения.

— Он может прийти?

— Не знаю. Я поменяла код в подъезде, Константин проверит замок, а телефон будет рядом. Если кто-нибудь позвонит в дверь, ты не открываешь, даже если услышишь знакомый голос.

— Даже папин?

Слово произносится легко, по старой привычке. Я ставлю чашку мимо блюда, край стукается о стол.

— Особенно его.

Матвей закрывает тетрадь и уносит тарелку в раковину. Макароны он почти не тронул. В дверях задерживается, будто хочет спросить ещё что-то, но только проводит ладонью по светлому вихру и уходит к себе. Через минуту за стеной включается игра; выстрелы звучат слишком громко, потом становятся тише. Значит, он всё-таки помнит, что я дома и обычно ругаюсь.

Я нахожу в контактах Лиду. До её имени не успеваю дотронуться: экран вспыхивает от сообщения с неизвестного номера. В нём нет приветствия, подписи или требования денег, зато человек знает про оригиналы и Матвея. Я перечитываю единственную строчку дважды, потом закрываю дверь кухни, чтобы сын случайно не увидел её с порога: «Удалишь оригиналы — Матвей сохранит хотя бы одного отца».

Глава 4. Другая семья

Лида читает сообщение за моим кухонным столом, держа телефон двумя пальцами, словно на экране не восемь слов, а мокрая квитанция. Она приехала без обычных вопросов, велела Матвею позавтракать и закрыла за ним дверь комнаты. Теперь за стеной тихо: он либо надел наушники, либо сидит, прижав ухо к двери. Лида ставит рядом кружку с надписью «Лучший семейный юрист», и кофе в ней уже покрывается тонкой плёнкой. За десять лет я не видела, чтобы она допила его горячим.

— С этого номера ещё что-нибудь приходило?

— Нет.

— Ты отвечала?

— Я ещё не совсем сошла с ума.

— Это не ответ. — Она поднимает на меня глаза. На ней белая рубашка, застёгнутая до второй пуговицы, и серые брюки со стрелками; должно быть, собиралась в суд, пока я не позвонила ночью. — Ты ему отвечала, Вера?

— Нет. Сделала снимок экрана, переслала тебе и Константину. Потом выключила звук.

— Оригинал сообщения не удаляла?

Я качаю головой. Лида берёт мой телефон, включает запись экрана и медленно проходит от списка сообщений к самому тексту, затем открывает сведения о номере и журнал звонков. Она делает это молча, без попытки успокоить меня, и именно поэтому дышать становится легче. Успокаивают, когда ничего нельзя сделать. Лида всегда ищет действие, даже если этим действием оказывается не трогать телефон и не выбрасывать старые бумаги.

— Теперь сначала то, что тебе не понравится, — говорит она, отправляя запись себе на почту. — После полиции сведения пойдут дальше. Судебное решение, на основании которого Павла объявили умершим, придётся отменять, запись о смерти тоже. Не сегодня и не одной справкой, но придётся. Для государства он либо умер, либо гуляет по детским садам под чужой фамилией, оба варианта одновременно не работают.

— Я догадалась.

— Нет, ты пока думаешь только о нём. А я говорю о тебе. Страховая узнает, что застрахованный жив, и захочет деньги назад.

Я смотрю на коричневое пятно, которое Матвей когда-то выжег лупой. Страховую выплату я помню не суммой, а тем, как она исчезала: похороны без гроба, кредит, клиника, ипотека, ещё один долг Павла, о котором я узнала после суда. Остатка хватило на объектив. Я купила его через год и мучилась так, будто сняла деньги с могильной плиты.

— У меня её нет.

— Я знаю. Страховой от этого не станет добрее. Она может требовать возврат, спорить о процентах, проверять, что и когда ты знала. Вопрос не в том, есть ли у тебя сейчас эта сумма на счёте, а в том, почему тебе её выплатили и участвовала ли ты в обмане.

— Участвовала. Подала заявление, приложила решение суда, получила деньги и не проверила каждый морг страны.

Лида придвигает к себе кружку, но вместо кофе кладёт ладонь на холодный бок.

— Не начинай делать за них работу. Поверить в гибель мужа после поисков, опознания вещей и суда — не мошенничество. Ты не прятала Павла в кладовке, пока оформляла выплату. Но тебя будут проверять: когда увидела его впервые, кому рассказала, почему не пошла в полицию сразу, откуда взялась фотография, куда ушли деньги. Поэтому с этой минуты никаких удалённых сообщений, ночных поездок и разговоров с Кирой наедине.

— Я не собираюсь к Кире.

— Вчера собиралась и съездила.

— Вчера я ещё считала её женщиной, которая подобрала моего мужа после аварии.

— А сегодня кем считаешь?

Ответ вертится совсем близко, но произнести его мешает Матвей за стеной. Любовницей? Второй женой? Соучастницей? Ни одно слово не помещает в себя белую рубашку на выпускном, ингалятор в прозрачной коробке и то, как привычно Кира сказала: «Данин папа».

— Не знаю.

— Вот и не решай раньше фактов. — Лида достаёт из сумки блокнот и пишет, сильно вдавливая ручку в бумагу. — Мне нужны договор страхования, решение суда, выписки по счетам с даты выплаты, все квитанции по его долгам, ипотеке и Матвеевой терапии. Отдельно — исходники со съёмки, копия записи из сада, если получите её официально, и телефон с угрозой. Константину скажи, чтобы прислал снимок с камеры без обработки.

— Он уже прислал.

Лида перестаёт писать.

— Вы быстро перешли от взаимной ненависти к обмену файлами.

— Мы не перешли. Он по-прежнему уверен, что я два года покрывала Павла, просто теперь допускает, что делала это по глупости.

— А ты по-прежнему уверена, что Бессонов хочет посадить первого попавшегося Соколова, просто теперь разрешаешь ему проверять свой замок.

— Замок проверяют руками, а не характером.

Уголок её рта дёргается, но улыбка не получается. Она переворачивает страницу.

— В полицию идём вместе. Сегодня. Сначала я перенесу заседание, ты соберёшь бумаги и найдёшь человека, с которым останется Матвей. Не мать Павла.

— Я и не собиралась ей звонить.

Это неправда. Номер Галины Аркадьевны я открывала ночью трижды. Она оплакивала сына вместе со мной и приносила на кладбище искусственные гвоздики, потому что живые зимой замерзают. Я не знаю, можно ли сообщить матери, что её ребёнок жив, и одновременно попросить молчать. Лида видит ложь, но только пододвигает блокнот ко мне.

— Запиши по часам всё, что произошло с момента съёмки. Без красивых формулировок. Кого видела, что сказала, куда поехала. И ещё: если он выйдет на связь, не договаривайся ни о чём сама.

— А если скажет, что хочет увидеть Матвея?

— Особенно тогда.

За дверью комнаты скрипит стул. Мы обе замолкаем, и через несколько секунд Матвей нарочно громко спрашивает, можно ли ему взять печенье. Я отвечаю, что можно, хотя банка стоит на кухне в двух шагах от нас. Он не выходит. Лида проводит большим пальцем по краю блокнота и уже тише добавляет:

— Я не запрещаю тебе быть матерью. Я прошу не позволять ему снова решать, что для твоего сына лучше, пока ты приходишь в себя.

К полудню стол исчезает под бумагами. Я нахожу договор в синей папке, решение суда — между справкой о прекращении поисков и свидетельством о смерти, которое Павел теперь превращает в плохо оформленную шутку. Лида раскладывает всё по прозрачным файлам, а я открываю банковские выписки. Возле каждого платежа вспоминается не день, а запах: в клинике пахло мокрыми бахилами, в ритуальной конторе — дешёвой ванилью, в банке — новым пластиком. Лида не спрашивает, зачем я сохранила чек за объектив. Просто кладёт его к остальным, будто стекло и металл тоже могут быть уважительной причиной не вернуть мёртвому деньги.

Матвей уходит к соседке снизу — сам, не дожидаясь, пока я попрошу. Говорит, что поможет ей настроить телевизор, хотя тот прекрасно работал ещё вчера. В прихожей натягивает отцовскую бейсболку и держится за козырёк дольше обычного. Я хочу попросить снять её, потом понимаю, что это будет ещё одним решением, принятым за него, и только проверяю, взял ли телефон.

Когда дверь закрывается, Лида отодвигает папки и разворачивает ко мне ноутбук.

— Теперь покажи Киру.

Её страница находится сразу. На фотографии профиля Кира стоит на набережной в светлом пальто, рядом обрезано чужое плечо. Страница закрыта; видны имя, город и четыре общих подписчика. Вчера я не заметила бы плечо, сегодня увеличиваю снимок, хотя уже готова узнавать Павла в каждом мужчине, который оказался рядом с Кирой и не попал в кадр целиком.

— Не надо смотреть на фотографию, — говорит Лида. — Смотри, что она оставила открытым.

— Ничего.

— Люди всегда оставляют что-нибудь открытым. Обычно потому, что шесть лет назад ещё не знали, от кого будут прятаться.

Она вводит имя Киры в поиск вместе с городом. Сначала появляются старые объявления о продаже комбинезонов, отзыв о детской стоматологии и поздравление бухгалтеру от компании, где Кира работала до декрета. Потом — ссылка на страницу маленькой фотостудии, которая давно закрылась. Сайт не открывается, зато в строке поиска сохранились несколько слов: «Кира и ожидание Даниила». Я чувствую, как ладони становятся влажными, хотя в кухне прохладно.

— Это может быть другой Даниил.

— Может, — соглашается Лида и добавляет к запросу фамилию.

Выпадает старый пост магазина детской одежды. На снимке годовалый мальчик сидит в жёлтом дождевике, а под ним написано: «Нашему Дане Лебедеву сегодня год». Дата публикации — двенадцатое июня, пять лет назад. До его следующего дня рождения остаётся девять дней.

Я пересчитываю дважды, потому что первое число не может быть правильным. Павел погиб два года и три месяца назад. Даня родился почти шесть лет назад, когда Павел каждое утро пил чай на моей кухне, спорил с Матвеем из-за мультиков и ставил ботинки посреди коридора, чтобы я о них спотыкалась.

— Ему шесть, — говорю я.

Лида не поправляет: «почти». Она закрывает вкладку с фотографией ребёнка, как будто мальчик может почувствовать наш взгляд.

— Да.

— Матвею тогда было пять. Павел водил его в подготовительную группу. — Я слышу собственный голос и не узнаю в нём ничего, кроме счёта. — Он говорил, что не хочет второго ребёнка, потому что мы едва справляемся с одним.

Последнюю фразу я не собиралась произносить. Она выходит сама и остаётся между кружкой, папками и свидетельством о смерти. Лида протягивает руку, но я убираю ладонь под стол. Не из злости на неё — просто сейчас любое прикосновение похоже на жалость, а я ещё не решила, имею ли на неё право. Где-то существует женщина, которая была беременна от моего мужа, пока я принимала таблетки и радовалась, что он хотя бы честно сказал о своих страхах. Возможно, Кира в то же время радовалась, что Андрей хочет ребёнка. Одному мужчине для двух жизней понадобились разные имена и две правды, причём обе женщины должны были считать его испуганным, но порядочным.

— Посмотри дату студийной съёмки, — говорю я.

— Сайт не работает.

— Картинки могли остаться в поиске.

Я пересаживаюсь на её место и открываю поиск по изображениям. Маленькие квадраты грузятся медленно: чужие беременные женщины в одинаковых молочных платьях, детские пятки, деревянные кубики. Кира появляется в третьем ряду. На ней тёмно-зелёное пальто, живот почти незаметен, ладони лежат на нём слишком бережно, чтобы принять позу за случайную. Она стоит возле витрины закрытого кафе, а в стекле напротив отражаются улица и мужчина с телефоном.

Открыть исходник нельзя. Я сохраняю маленькую копию, увеличиваю её в программе и убираю цвет, чтобы блики не съедали лицо. Изображение рассыпается на квадраты. Лида ждёт, не задавая вопросов, пока я вытягиваю тени и затемняю светлую полосу неба. Мужчина проступает не сразу: высокий лоб, прищур, телефон перед грудью. Правое плечо поднято выше левого. Так Павел держал камеру, хотя я тысячу раз объясняла, что горизонт завален и локоть надо опустить. На запястье тёмные часы с широким ремешком. Я подарила их ему после первой большой рекламной съёмки и потом долго злилась, что потратила весь гонорар.

— Это он? — спрашивает Лида.

— Да.

— По отражению ты уверена?

Я увеличиваю лицо ещё на один шаг, и вместо глаза появляется серый квадрат. Уверенность нельзя распечатать и приложить к заявлению. Она живёт в том, как человек переносит вес на левую ногу, когда правая болит после старой травмы, как держит телефон, как чуть втягивает голову в плечи, ожидая замечания фотографа. Я знаю эти мелочи лучше, чем дату нашей свадьбы.

— Для суда — нет. Для себя — да.

Под снимком сохранилась дата: ноябрь, за полгода до рождения Дани. Тогда Павел уезжал на три дня: срочная проверка, чужие отчёты, гостиница возле вокзала. Я помню Матвеев кашель и пластиковый таз у кровати. Ночью сына вырвало лекарством, я позвонила Павлу и услышала в трубке музыку. Он сказал, что коллеги отмечают окончание проверки, и раздражённо спросил, почему я не могу один раз справиться без него.

Я встаю так резко, что стул задевает батарею. В ванной открываю холодную воду и держу руки под струёй, пока пальцы не начинают ломить. Эта боль хотя бы не требует названия. Я смотрю на светлую полоску от кольца: его давно нет, а кожа всё равно хранит привычку. Павел не завёл другую семью после того, как не смог вернуться. Не очнулся на берегу без памяти, не встретил Киру в больнице, не решил начать заново, пока мы с Матвеем учились произносить слово «погиб». Вторая жизнь уже существовала. У неё был живот под зелёным пальто, фотографии возле кафе и мужчина, которому мешал звонок из первой.

Вернувшись, я открываю ящик под книжным шкафом и достаю старый телефон. Экран пересекает трещина от угла до кнопки — Матвей уронил его в тот год, когда Даня учился ходить, хотя тогда я ещё не знала, что где-то есть Даня. Телефон долго не включается. Лида находит зарядку, протирает штекер салфеткой и спрашивает:

— Что ищем?

— Сообщения из той командировки.

— Вера, фотография ничего не доказывает. Дата могла сохраниться неверно, часы могли быть похожими.

— Я знаю. Хочу увидеть, как он мне врал.

— Зачем?

— Потому что сейчас я помню только свою версию. В ней Матвей заболел, Павел был далеко и я злилась на себя за то, что мешаю ему работать. Если я прочитаю, что он писал, это хотя бы станет его ложью, а не моей глупостью.

Лида хочет возразить, но телефон оживает короткой вибрацией. В старой переписке нет признания, только мой снимок градусника, просьба позвонить Матвею перед сном и ответ Павла через сорок две минуты: «На ужине с заказчиком. Не раздувай, температура небольшая». Ниже он обещает вернуться в пятницу и привезти сыну поезд. Поезда в пятницу не было. Павел сказал, что забыл купить, и Матвей дулся до вечера, пока отец не отдал ему фонарик из машины.

— Я думала, он был плохим мужем три дня, — говорю я. — Оказывается, в эти три дня он был хорошим мужчиной где-то ещё.

— Мы этого не знаем.

— Знаем. Посмотри на фотографию. Она не прячется, не оглядывается. Она стоит перед ним так, как стоят перед человеком, который имеет право запоминать твой живот.

Лида сохраняет копию снимка, адрес страницы и результаты поиска в отдельную папку. Потом собирает документы, дважды напоминает не выходить из дома одной и уезжает переносить своё заседание. Мы договариваемся встретиться через час у отдела, но после её ухода я не одеваюсь. Сажу возле ноутбука и перелистываю старую переписку дальше, хотя уже поняла главное: командировки Павла не были промежутками между нашей семейной жизнью. Они и были семейной жизнью — только другой. В одной Матвей ждал игрушку-поезд, в другой Кира позволяла фотографировать свой живот. Между ними Павел успевал раздражаться, уставать и возвращаться домой, ни разу не перепутав ключи.

Старый телефон лежит на зарядке рядом со свидетельством о смерти, когда экран внезапно загорается. Сначала я думаю, что пришло одно из запоздалых уведомлений: после включения они сыпались десятками, заслоняя переписку. Но телефон не замолкает, ползёт по столу от вибрации и разворачивается ко мне треснувшим экраном. На нём нет сообщения, только входящий вызов и имя, которое я когда-то выбрала вместо обычного «Паша», потому что так было короче и правильнее. Так звонил человек, который должен был возвращаться ко мне из любой командировки. Над зелёной кнопкой дрожит одно слово: «Дом».

Глава 5. Свидание на собственной могиле

Я принимаю вызов не потому, что успеваю решить, а потому, что большой палец помнит зелёную кнопку лучше меня. Телефон сразу прижимается к уху, и несколько секунд мы оба молчим. В трубке шуршит ветер, далеко проезжает машина, кто-то хлопает дверью. Обычные звуки вокруг человека, который два года существует только в прошедшем времени.

— Вер, не клади трубку.

Голос не изменился. В детском саду я слышала одну фразу и могла убедить себя, что память дорисовала остальное; теперь Павел говорит прямо мне, чуть тише обычного, с той домашней хрипотцой, которая появлялась, когда он хотел прекратить ссору, не признав себя виноватым. Плечи расслабляются раньше, чем я успеваю напомнить им, кто звонит. Хочется дослушать, не перебивать, потом объяснить спокойнее — всё то, чего Павел обычно добивался этим голосом.

— Ты прислал сообщение про Матвея?

Павел выдыхает, будто первый неправильный вопрос задала я.

— Я не хотел тебя пугать. Нужно было, чтобы ты остановилась и подумала, прежде чем Бессонов втянет вас в свою месть.

— Ты написал, что Матвей сохранит хотя бы одного отца.

— Именно. Он уже потерял меня один раз. Если сейчас ты разнесёшь эту историю, он потеряет всё, что помнит обо мне. В школе узнают, соседи, твои клиенты. Его будут тыкать пальцем, а Константину всё равно, что станет с мальчишкой. Ему нужен виноватый за брата.

За дверью квартиры тихо. Матвей всё ещё у соседки, и я рада этому с такой силой, будто хотя бы одно решение за последние дни приняла правильно.

— Где ты?

— Давай встретимся.

— Я спросила, где ты живёшь.

— Сейчас это неважно. Я всё объясню, только без полиции и без Бессонова. Ты же понимаешь, после того как он ворвался в сад, я не мог остаться.

В его версии Константин ворвался, я не пришла, Кира не солгала, а Павел не убежал через служебную дверь. Он всего лишь снова был вынужден уйти.

— Лида ждёт меня у отдела через час.

— Не ходи пока. Дай мне полчаса. Потом делай что хочешь.

— Ты два года делал что хотел.

— Думаешь, я хотел так жить? — В голосе появляется обида, быстрая и знакомая. — Вер, я видел вас. Не каждый день, конечно, но следил, чтобы всё было нормально. Знал про Матвееву терапию, про студию, про твою машину. Я не бросил вас совсем.

Я смотрю на свидетельство о смерти возле зарядки. Оно лежит лицевой стороной вверх, печать расплывается сквозь прозрачный файл. Павел следил. Наверное, видел, как мы выходили из клиники, как Матвей садился на заднее сиденье и просил объехать мост, как я училась заводить машину зимой без его советов. Издалека всё действительно могло выглядеть нормально.

— Где встречаемся?

Он отвечает сразу, будто всё время держал адрес на языке:

— На кладбище. У моего камня. В половине третьего.

— У твоей могилы.

— Там нет могилы, ты же знаешь. Только плита.

Земля под его именем пустая, поэтому Павел считает, что и слова можно выбирать удобнее.

— Если увидишь Бессонова или полицию, я уйду. И в следующий раз ты меня не найдёшь.

— А Матвей?

Пауза получается короткой, но я слышу её.

— О Матвее и поговорим.

Он отключается первым. Старый экран темнеет, и в нём остаётся моё отражение, разрезанное трещиной пополам. Я должна позвонить Лиде. Именно это она велела сделать, именно так поступил бы человек, который ещё утром соглашался не устраивать ночных поездок и разговоров наедине. На нынешнем телефоне я пишу, что задержусь на сорок минут и приеду сама. Лида отвечает почти сразу: «Где ты?» Я переворачиваю телефон экраном вниз.

Это не доверие Павлу. Я не верю ни одному его слову, включая союзы и предлоги. Но если Лида узнает, она остановит меня или позвонит Константину, а Павел снова исчезнет, оставив после себя чужое имя и угрозу, которую можно толковать десятью способами. Я слишком долго получала его жизнь в пересказе: от спасателей, следователя, Константина, Киры, судебного решения. Теперь он живой и готов говорить. Мне нужно хотя бы раз услышать, какую ложь он выберет для меня.

Я беру нынешний телефон, включаю диктофон и проверяю, что резервное сохранение работает через мобильную сеть. Программа загружает записи частями: я поставила её после того, как однажды потеряла полуторачасовое интервью с семьёй перед съёмкой. Красная точка появляется в верхней строке. Телефон убираю во внутренний карман куртки, хотя на улице жарко, и только в лифте понимаю, что документы для полиции так и остались на кухонном столе.

Кладбище в будний день почти пустое. У центральных ворот продают искусственные пионы слишком яркого розового цвета, женщина в ларьке смотрит сериал с телефона и не поднимает головы, когда я прохожу мимо. Дорожка после ночного полива влажная, к подошвам липнет песок. До участка Соколовых я могу дойти с закрытыми глазами: два года назад считала шаги от ворот, чтобы не смотреть на людей, которые пришли проститься с мужчиной без тела.

Павел стоит у плиты спиной ко мне. Серые брюки, тёмная рубашка с закатанными рукавами, на правой руке часы с другим ремешком. Он убрал седину на висках короткой стрижкой и выглядит не моложе, просто аккуратнее того человека, которого мы похоронили. Возле его ног лежат искусственные гвоздики Галины Аркадьевны. Мать протирает камень каждое воскресенье; сегодня на чёрной поверхности нет пыли, и Павел разглядывает собственную фотографию так, будто оценивает неудачный паспортный снимок.

— Ты быстро, — говорит он, оборачиваясь.

— Ты опоздал на два года и три месяца. На твоём фоне я пунктуальна.

Он морщится, но тут же улыбается. Не широко — осторожно, одними уголками губ. Именно так улыбался после ссор, когда заходил на кухню с чем-нибудь съедобным и ждал, что я устану злиться раньше, чем он произнесёт «прости».

— Всё та же.

— Нет. Та женщина принесла бы тебе чай в термосе. Ты всегда мёрз на кладбищах.

Павел перестаёт улыбаться и проводит пальцами по краю плиты. На камне выбиты его имя, год рождения и дата, после которой мы с Матвеем должны были научиться жить вдвоём. Дата теперь кажется не ошибкой, а подписью под чужим решением.

— Я часто думал, как вы это сделали, — произносит он. — Фото выбрала ты?

— Твоя мать. Я занималась долгами.

— Да, с деньгами вышло плохо. Я знаю.

— Следил?

— Мне передавали. — Он торопливо убирает руку с плиты. — Я хотел помочь, но любой перевод привёл бы ко мне. Потом ты получила страховку, стало чуть легче.

— Страховка почти вся ушла на твои долги.

— Я верну.

Это звучит так просто, будто у него до сих пор есть право обещать. Павел делает шаг ко мне, я отступаю с дорожки на сухую траву. Он замечает движение и поднимает ладони: смотри, я безопасен, я ничего не требую.

— Я потому и позвал. Можно всё решить без того, чтобы ломать жизнь детям. У меня есть деньги. Не сразу вся сумма, но достаточно, чтобы закрыть вопрос со страховой, ипотеку, терапию Матвея. Передам наличными или через человека, который не связан со мной.

— То есть предлагаешь мне деньги, которые нельзя показать ни страховой, ни полиции.

— Я предлагаю вернуть то, что должен семье.

— Какой из двух?

Он смотрит мимо меня, на соседний памятник, где в овальной фотографии пожилая женщина улыбается слишком молодо для дат под портретом.

— Я понимаю, что ты злишься.

— Нет, Паша, ты понимаешь только слова, которыми можно переждать мою злость. Объясняй. Как ты выжил?

Он проводит ладонью по затылку. На безымянном пальце правой руки остаётся светлая полоска от кольца или, возможно, от другого кольца; я не знаю, носит ли Андрей Волков обручальное и кто покупал его вместе с ним.

— Лодку развернуло у опоры, нас выбросило в воду. Сергей ударился, я пытался его удержать, но течение растащило нас. Меня вынесло ниже старой пристани. Телефона не было, нога почти не работала. Я добрался до дороги только ночью.

— И вместо больницы поехал к Кире.

Павел скидывает глаза.

— Откуда ты знаешь?

Вопрос вырывается раньше, чем он успевает подобрать правильный ответ. На мгновение передо мной не Андрей, не покойник и не мужчина, пришедший всё объяснить, а Павел, которого застали у открытого холодильника ночью: виноватый только потому, что его увидели.

— Значит, поехал.

— Мне некуда было больше идти. Кира ждала меня. Даня был маленький, у него тогда снова начались проблемы с дыханием, она одна не справлялась. Я собирался пожить у них несколько дней, прийти в себя и решить, как сказать тебе. А утром увидел новости. Нашли вещи, искали уже двоих. Бессонов сразу начал кричать, что я убил Сергея. Если бы я вернулся, меня бы посадили прежде, чем кто-нибудь выслушал.

— Кира ждала тебя до аварии?

Он опускает взгляд. Возле носка его ботинка ползёт муравей, Павел отодвигает ногу, позволяя ему пройти, и от этой мелкой осторожности становится дурно. Сергею такой осторожности не досталось, нам с Матвеем тоже.

— Мы договорились, что после маршрута я приеду к ней. Я хотел наконец принять решение.

— Ты взял с собой Сергея, поехал на реку и уже знал, что домой не вернёшься?

— Не передёргивай. Я собирался вернуться и поговорить с тобой. Просто не в тот же день. Мне нужно было время.

— А Кира с шестилетним ребёнком должна была дать тебе это время в готовой семье.

— Даня мой сын, — резко говорит он и сразу смягчает голос. — Я не мог бросить его.

Плита за его спиной отражает кусок неба и наши ноги. Моего лица в чёрном камне нет, Павел закрывает его собой.

— Матвей тоже твой сын.

— Матвей был с тобой. У него был дом, бабушка, деньги после страховки. Кира зависела от меня полностью, а у Дани кроме меня никого не было.

— У Матвея тоже был только один отец. Ты заставил его этого отца похоронить.

Павел сжимает губы. Я знаю это выражение: сейчас он уступит в мелочи, чтобы не отвечать за главное.

— Я каждый день жалел, Вер. Но чем дольше всё тянулось, тем меньше оставалось нормальных выходов. Через месяц моё имя уже произносили только в прошедшем времени, через полгода Даня привык, что я каждый вечер дома. Я не мог однажды прийти к вам и разрушить обе семьи.

— Поэтому решил сохранить ту, где тебе было удобнее.

— Где без меня не могли.

Он произносит это без стыда. Наверное, именно так выглядит любовь Павла: не быть рядом с тем, кого любит, а выбирать место, где без него беспомощнее. Со мной он всегда сердился, когда я справлялась сама, а после смерти наконец получил доказательство, что был прав: я действительно справилась. Значит, можно не возвращаться.

— Что случилось с Сергеем?

— Я сказал. Несчастный случай.

— Ты вызвал помощь?

— Чем? Телефон утонул. Я сам едва стоял.

— На дороге не было ни одной машины? У Киры не было телефона?

Павел отходит от плиты и понижает голос, хотя вокруг никого нет.

— Когда я добрался до неё, прошло много часов. Сергея уже искали. Я не знал, где его вынесло и жив ли он. А потом нашли тело. Что изменил бы мой звонок?

— Для Сергея, возможно, ничего. Для его брата — правду о том, кто вышел из воды.

— Константину не нужна правда. Ему нужно, чтобы я оказался убийцей. Он два года кормил этим тебя, теперь увидел фотографию и решил, что получил шанс. Если отдашь ему оригиналы, он потащит вас за собой. Страховая, следствие, газеты — всё поднимут. Матвей узнает про Киру, про Даню, про мои документы не от нас, а от какого-нибудь мальчишки в школе.

— Поэтому ты угрожал ему?

— Я предупреждал тебя.

— И что предлагаешь?

Павел подходит ближе. Теперь между нами меньше шага, я чувствую знакомый запах туалетной воды, только раньше он смешивался с кофе и салоном машины, а сейчас — с нагретым камнем и пластиком материнских гвоздик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.